

© 2017 г.

М.А. ЮСИМ

ГВИЧЧАРДИНИ И КОММИН

(два взгляда на начало Итальянских войн)

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Франческо Гвиччардини и Филипп де Коммин были оба участниками, свидетелями и историками Итальянских войн на их первом этапе. Гвиччардини выступал в качестве участника событий несколько позднее (не менее чем на 15 лет). У Коммина поход Карла VIII в Италию 1494—1495 гг. описан в VII и VIII книгах «Мемуаров», написанных после первых шести, отдельно. Его «Мемуары» заканчиваются смертью короля в 1498 г. Гвиччардини посвятил свое сочинение «История Италии», в основном завершённое к 1540 г., событиям с 1494 до 1534 г.; об упомянутом походе французского короля рассказано в I и II книгах, о его смерти в конце III книги. Таким образом, для сопоставления исторических произведений обоих писателей могут служить в основном две последние книги «Мемуаров» Коммина и три первые книги «Истории Италии» Гвиччардини.

Как политические писатели оба близки Макиавелли; Гвиччардини почти его единомышленник, Коммин — современник и автор, которого историки часто называют тематически ему близким¹.

Коммин писал отчасти по горячим следам и по собственным воспоминаниям, сначала по просьбе архиепископа Вьеннского Анджело Като, затем — именно две последние книги, VII и VIII, уже после смерти Като — по своей инициативе². Гвиччардини создал «Историю Италии» годы спустя, но в основе его обращения к истории изначально лежало желание (со временем проснувшееся и у Коммина) еще раз осмыслить случившееся, проанализировать свои и чужие поступки, понять, что было неправильно, что неизбежно, отчасти оправдаться. В отличие от французского автора, поначалу Гвиччардини руководствовался скорее личными мотивами, а затем решил написать большой исторический труд (склонность к литературному творчеству, политической теории, истории у него была всегда, это сочетание активной практики и теоретизирования довольно характерно для людей эпохи Возрождения). С молодых лет он вел дневниковые записи, переработанные и сохранившиеся под названием «Воспоминания» (Ricordanze), и записывал важные мысли и сентенции, названные историками «Заметки о делах политических

¹ Как пишет Ю. П. Малинин, «он создал своеобразное историческое и социально-политическое учение, которое обеспечило ему славу одного из проницательнейших умов своего времени... В исторической перспективе политические идеи Коммина, особенно его концепции мудрости и государственной необходимости, стоят у истоков одного из наиболее влиятельных течений западной политической мысли, которое в XVI в. представляли такие крупные фигуры, как Макьявелли, Гвиччардини и Боден». — Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его мемуары. — *Коммин Ф. де. Мемуары*. М., 1986, с. 384 и 429 (во втором случае со ссылкой на К. Маркса и В. И. Рутенбурга). См. также сборник: 1511—2011. *Philippe de Commines. Droit, écriture: deux piliers de la souveraineté*. Genève, 2012; *Chabod F. Les "Mémoires" de Philippe de Commines. Un "miroir aux princes"? — Francia*, 19, 1. 1992, p. 95—114.

² Малинин Ю. П. Указ. соч., с. 397.

и гражданских» (*Ricordi politici e civili*)³. Знакомы эти два писателя быть навряд ли могли, так как принадлежали к разным поколениям, даже через одно — Франческо Гвиччардини жил в 1483—1540 гг., Филипп де Коммин в 1447—1511 гг., писал он в 1489—1498 гг., а Гвиччардини в 1530—1540 гг. — разница получается примерно в 30 лет. Одна из черт, которая сближает Филиппа де Коммина с Франческо Гвиччардини, да и с Никколо Макиавелли, это то, что все трое не просто были участниками политических событий, но и претендовали на роль советников государей. Макиавелли пользовался влиянием на пожизненного гонфалоньера Пьеро Содерини, после реставрации Медичи хотел сотрудничать и с ними, но в целом его советы малогодились. Гвиччардини, будучи умеренным республиканцем, долго служил клану Медичи и играл заметную роль в войнах Коньякской лиги, направленных против испано-габсбургской коалиции. Папы ценили Гвиччардини, однако и его деятельность, как оказалось, шла вразрез с тенденциями эпохи и в конце жизни ему, как некогда его старшему другу Макиавелли, оставалось искать утешения в литературном творчестве. Коммин пользовался большим влиянием при Людовике XI, менее значительным при Карле VIII, пережил взлеты и падения и при его преемнике в конце концов также удалился от дел⁴. Все трое были мудрыми мужами, но их биографии наводят на мысль, что судьбы советников при государях не очень завидны. Макиавелли, наименее удачливый из них как советник, но самый знаменитый как писатель, теоретизировал по поводу этой грустной для него темы, повторяя восходящую к Гесиоду мысль, что умы бывают трех родов: один всё понимает сам, другой хорошо понимает чужие мысли, третий неспособен ни на то, ни на другое⁵. Для Коммина, как считает Ю. П. Малинин, тема советников и совета — одна из главных, по его мнению, он осуждает тех правителей, которые во всем руководствовались своим разумением, и не обсуждали дела на совете приближенных⁶. Гвиччардини много пишет в «Истории Италии» о советах и советниках, но надо иметь в виду, что в его языке слово *consiglio* многозначно, и во многих случаях его нужно понимать как «решение, мнение, план» или «намерение». У Коммина такое значение его французского аналога, *conseil*, практически не встречается. Гвиччардини рассуждает о советниках в своих «Заметках» и в написанных им на склоне лет воображаемых оправдательных речах, и здесь его мысль направлена на то, чтобы перенести ответственность за принимаемые решения с советников на государей — видимо, личные политические неудачи сыграли в этом немалую роль⁷. В общем, на литературном поприще все три мыслителя прославились куда больше, чем на политическом, и это закономерно. Если правители и нуждаются иногда в советах и советниках, то делить с ними славу им приходится редко.

³ Оба текста переведены на русский язык в издании: *Гвиччардини Ф. Сочинения*. М. — Л., 1934. Итальянские издания: *Guicciardini F. Ricordanze inedite*. Firenze, 1930; *idem. Ricordi*. A cura di R. Spongano. Firenze, 1951.

⁴ См. об этом: *Малинин Ю. П.* Указ. соч., с. 389—397.

⁵ *Макиавелли Н.* Государь, гл. XXII «О секретарях, приближенных к государям». Для переводов Макиавелли я пользовался электронным изданием его сочинений на сайте: <http://www.intratext.com>.

⁶ *Малинин Ю. П.* Указ. соч., с. 421: «Даже очень мудрый государь сможет успешно вести свои дела, только если прибегает к советам других людей и держит при себе опытных советников». Мысль об особой важности советов и советников в средние века Ю. П. Малинин развивает на нескольких следующих страницах, хотя относительно Коммина им была сделана оговорка: «Только невежественные государи, не способные управлять, передают свои полномочия советникам, и именно это, по мнению Коммина, является причиной раздоров и войн в государстве» (там же, с. 419).

⁷ Например, говоря о войнах Коньякской лиги, он развивает важную для себя мысль о пределах разумного предвидения: «Если события пошли иначе, чем думали, за это нельзя винить сторонников войны, так как доводы в пользу ее были настолько сильны, что убеждали всякого мудрого человека; советники князей были бы поставлены в слишком тяжкие условия, если бы они обязаны были приносить в советы не только соображения человеческого ума, но суждения астрологов, предсказания духов или пророчества святых». См. *Гвиччардини Ф. Сочинения...*, с. 363.

Общее сопоставление творчества Коммина и Гвиччардини логично вести по двум основным направлениям: во-первых, проанализировать, как они описывают одни и те же события, поскольку такой материал присутствует в их сочинениях; во-вторых, сравнивать их взгляды на историю и общественную жизнь, их оценки и выводы, которые каждый из них делает. В отечественном издании «Мемуаров» Ф. де Коммина подготовивший его Ю. П. Калинин в своем очерке делает акцент именно на социально-философской проблематике сочинения франко-фламандского автора, что же касается его конкретных суждений и изложения отдельных фактов, то они охарактеризованы еще и в примечаниях к этому изданию.

Подробное сравнение «параллельных» книг в обоих текстах потребовало бы отдельного большого исследования; что же касается содержательного анализа, то историки нередко сближают Гвиччардини и Коммина, хотя специальных работ такого рода мне известно немного⁸. Я остановлюсь на нескольких аспектах сравнительной характеристики этих двух авторов, которые иллюстрируют общее и различное как в их подходах к историческому материалу, так и в их философско-политических взглядах⁹.

Прежде всего нужно сказать о том, что Гвиччардини использовал «Мемуары» Коммина, а именно VII и VIII книги, в своей работе над «Историей Италии». Вторая часть «Мемуаров» (тогда они назывались «Хроникой короля Карла VIII») вышла из печати в 1528 г. и была переиздана в 1529 г.¹⁰ Затем последовали издания всего текста целиком. Сведения об использовании «Мемуаров» Коммина в «Истории» Гвиччардини косвенные, но о таком использовании можно судить уже по тому, что три–четыре раза флорентинец называет их автора под именем «господин д'Аржантон» там, где речь идет о битве при Форнуово и в связи с его миссией в Венеции¹¹. Кроме упоминаний об этих переговорах, в первых книгах «Истории Италии» насчитывается еще более десятка мест, где можно заподозрить заимствования у Коммина, хотя там практически нет прямого подражания, в чем Л. фон Ранке укорял Гвиччардини применительно к другим хронистам¹²; правда, все эти совпадения достаточно общего характера, т.е. могли быть взяты из других источников или сопоставлены с ними. Например, Гвиччардини говорит о том, что страх Фердинанда I Неаполитанского усиливали «обнаруженные в старинных бумагах предсказания»¹³. Он сопровождает это сообщение одной из тех своих предложений, которые украшают его произведение и имеют сходство с собранными отдельно в упоминавшихся выше «Заметках». Эта фраза могла быть навеяна словами Коммина: «Во время пере-

⁸ См., в частности, *Tenenti A.* Il significato della morte nella storia. Fra Commynes e Guicciardini. — *Intersezioni. Rivista di storia delle idee*, t. VII, 2. Bologna, 1987, p. 215–234; *Fournel J.-L.* Les violences de guerre dans les «Mémoires» de Commynes: contribution à une histoire de la violence prè-moderne. — *Cahiers d'Humanisme et Renaissance*. Paris, 2012, p. 105–126, 2012 (электронный вариант halshs-00685098); *Levine A. H.* Francesco Guicciardini and Philippe de Commynes. Tradition and Innovation in Early Modern Historiography. Honors Thesis. Oberlin, 1980.

⁹ В данном случае важно именно содержание приводимых отрывков, а текстологический анализ подробностей, стиля, терминов менее существен, поэтому цитаты из «Мемуаров» Ф. де Коммина приводятся по русскому переводу Ю. П. Калинина (см. прим. 2), а из «Истории Италии» — в моем переводе (см. прим. 14). Некоторые уточнения делались по указанным в сносках изданиям на французском и итальянском языке.

¹⁰ *Commynes Ph de.* Croniques du roy Charles huitiesme. Paris, vend Enguilbert de Marnef, 1528 и 1529. Ср. Калинин Ю. П. Примечания. — *Коммин Ф. де.* Указ. соч., с. 438.

¹¹ См. об этом в работах, упомянутых в прим. 8.

¹² *Ranke L. von.* Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig — Berlin, 1824, S. 1–48.

¹³ «Страх короля увеличивали многочисленные неблагоприятные для его дома предсказания, сделанные в разное время; иные находились в старинных бумагах, недавно обнаруженных, иные произносились людьми, которые часто не уверены в сегодняшнем дне, но дерзают предугадывать будущее; в дни благоденствия в предсказания мало верят, а при наступлении череды неудач верят сверх меры». — *Гвиччардини Ф.* История Италии, кн. 1, гл. 5 (далее: *Гвиччардини.* История Италии, книга — глава), Перевод сделан по изданию: *Guicciardini F.* Storia d'Italia. A cura di Silvana Seidel Menchi. Torino, Einaudi, 1970. <http://www.liberliber.it/biblioteca>.

стройки одной капеллы, как меня уверяли некоторые из наиболее близких к нему (королю Фердинанду. — *М.Ю.*) людей, была найдена книга, на обложке которой было написано: “Король и его тайный совет”, и в ней якобы были перечислены все его злодеяния; ее видели только трое, ибо он бросил ее в огонь»¹⁴. Если король бросил книгу в огонь и о ней знали только трое, источником мог быть скорее именно Коммин (хотя немецкая поговорка гласит: «Что знают двое, то знает свинья»). Еще одна подробность, рассказанная Коммином и приведенная Гвиччардини — упоминание о том, что Карлу VIII для финансирования своего похода пришлось закладывать драгоценности, полученные «в долг от герцога Савойского, маркизы Монферратской и других господ его двора»¹⁵. В передаче Гвиччардини эта деталь служит для смутного указания на неизбежность войны: Карл шел к ней невзирая на все препятствия, и его непреклонность подкреплялась к тому же «небесными знамениями, предсказаниями, прогнозами и чудесами». Коммин говорит об этом несколько подробнее, причем если у Гвиччардини заклад драгоценностей происходит еще в Дофинэ, во Вьенне, то Коммин относит его к прибытию Карла VIII в Турин, кроме того, его известия, полученные из первых рук, точнее: драгоценности были получены не от шестилетнего герцога Савойского, а от его матери и регентши Бьянки, а также от ее бывшей мачехи, вдовы ее отца Марии Бранкович¹⁶. Его комментарий похож по прямому смыслу на гвиччардиниевский — что все как бы предопределено, — но звучит несколько иначе и повторяет лейтмотив, сопровождающий в «Мемуарах» всю историю Итальянского похода, — он был плохо подготовлен, и только чудом можно объяснить его первые успехи: «Вы можете понять, каково было бы начало войны, если бы сам господь не вел нас!» Таким образом, если Гвиччардини и заимствует некоторые сведения у Коммина, то не напрямую, или перерабатывает их.

Разность стиля двух историков можно проиллюстрировать еще следующим примером суждения об одном и том же человеке — независимо от того, опирался ли Гвиччардини в этом случае на Коммина или нет. Речь идет о первом французском вице-короле Неаполя Жильбере де Бурбоне, графе де Монпансье, который скончался на этом посту в 1496 г. Слова Коммина: «Добрый и храбрый рыцарь, но легкомысленный»¹⁷ человек; раньше полудня он и не вставал»¹⁸. Гвиччардини: «Главным наместником во всем королевстве он назначил Жильбера Монпансье, который пользовался уважением скорее благодаря высокому положению и принадлежности к королевскому дому, чем собственной доблести»¹⁹. Характеристика у Коммина более колоритная, суждение Гвиччардини не менее критично, но высказывая его, он как будто бы не сходит с пьедестала историка, повествующего преимущественно о серьезных материях.

Независимо от того, в какой степени Гвиччардини использовал сведения, приводившиеся Коммином, их оценки одних и тех же личностей и событий дают материал для сопоставления их подходов и взглядов в целом. Любопытно, что хотя оба писателя стремились к объективности и их суждения в общих чертах часто совпадают, но оттенки этих суждений и критерии, которыми руководствовались Гвиччардини и Коммин, разнятся. Причины таких различий кроются, вероятно, не только в их личных предпочтениях, но и в особенностях той среды, в которой действовал каждый из авторов.

Прежде всего это несовпадение взглядов итальянца (флорентинца) и француза-фламандца. Гвиччардини нередко именует французов «варварами», не столько из неприязни к ним, сколько следуя усвоенной античной традиции. У Коммина такого слова не

¹⁴ В 1492 г. в Таранто была найдена рукопись с пророчествами епископа св. Катальда, похороненного там в 685 г. Цит по: *Коммин Ф. де. Мемуары*. Пер. Ю. П. Малинина. М., 1986, кн. 7, гл. 14, с. 296 (далее: *Коммин*. Мемуары, книга — глава, страница перевода).

¹⁵ *Гвиччардини. История Италии*, 1—9.

¹⁶ *Коммин. Мемуары*, 7—6, с. 278—279.

¹⁷ В оригинале *roy saige*, не слишком благоразумный.

¹⁸ *Коммин. Мемуары*, 8—1, с. 316.

¹⁹ *Гвиччардини. История Италии*, 1—5.

встречается²⁰. За характеристикой пришельцев как варваров у итальянского автора тянется противопоставление римско-итальянской изнеженности варварской свирепости и отваге. Правда, это не просто условность: к началу XVI в., а тем более к 30-м годам, когда Гвиччардини писал свою «Историю Италии», самокритичные оценки итальянцев стали общим местом, причину своих бед они видели в своекорыстии государей, в низком качестве войск, особенно пехоты, в ненадежности наемников, которые привыкли сражаться почти без потерь и т.д. Об этом пишут и сам Гвиччардини, и Коммин, но Коммин делает особенный упор на вероломстве итальянцев²¹. Рассказывая о том, что семья Орсини изменила неаполитанским королям, он заключает: «Так вот и живут в Италии сеньоры и капитаны: беспрестанно вступая в сделки со своими противниками из страха, что окажутся в накладе»²². Гвиччардини подробно рассказывает о конфликте Карла VIII с горожанами во время его пребывания во Флоренции и об известном эпизоде, когда в ответ на слова короля «мы ударим в барабаны» Пьеро Каппони сказал: «А мы зазовем в колокола!» У Коммина нет не только этих деталей, но вообще никаких намеков на попытки флорентинцев проявить мужество в отстаивании своих интересов; он упоминает Пьеро Каппони только как политического противника Пьеро Медичи и со вкусом описывает разграбление дворца последнего после его бегства.

Оба автора как будто бы сходным образом оценивают короткое правление Фердинанда II Неаполитанского, сына Альфонса и внука Фердинанда I, но в очень разных тонах. Коммин, тщательно перечислив все преступления и злоупотребления отца и деда короля, заключает: «Некоторые люди, правда, говорили, что молодой король Ферранте был бы еще хуже (хотя перед смертью он стал смиренным и милосердным), если бы не оказался в нужде»²³. (Сюда нужно добавить благочестивое негодование Коммина по поводу близкородственных браков в этой семье — что у Гвиччардини не вызывает никаких эмоций.) Гвиччардини с большим сочувствием отзывается о Фердинанде, которого он считает итальянцем, поскольку тот родился и воспитывался в Италии: «Не прошло и года после смерти его отца Альфонса, но благодаря своим победам, благородству души и украшавшим его королевским добродетелям Фердинанд уже был превосходим за свою доблесть не только в Королевстве, но и по всей Италии»²⁴.

Характерны высказывания обоих писателей о Савонароле; каждый из них отзывается о его пророческом даре не без осторожности; Гвиччардини уделяет доминиканцу немало места, но его повествование следует принятой автором позиции внешне беспристрастного политика. Понять, что сам он думает о брате Джироламо, можно по немногим частностям, например, по следующей фразе: «И хотя было немало таких, кто ему

²⁰ Зато Коммин передает нелестные отзывы французов об итальянцах: «Наши столь возгордились, что не считали уже итальянцев и за людей». *Коммин. Мемуары*, 7–17, с. 302. Ср. *Fournel J.-L. Guichardin et la barbarie française. — L'Image de l'autre Européen: XVe–XVIIe siècles. Paris, 1992, p. 119.*

²¹ Интересно, что Гвиччардини передает эту характеристику как мнение французов, выступавших против похода: «Кто-то ссылаясь на вероломство итальянцев, особенно Лодовико Сфорцы, подтверждение чему было получено из Флоренции (и как раз задерживалось поступление обещанных им денег)». — *Гвиччардини. История Италии*, 1–9. Коммин, в свою очередь, воспроизводит суждение итальянцев о поведении французов на войне, которое встречается и у Гвиччардини, и у Макиавелли; это суждение он объясняет, и оправдывает его по-своему: «Говорят, что такова наша французская натура, и итальянцы в своих историях пишут, что когда французы наступают — они более чем мужчины, а когда отступают, то они хуже женщин; я согласен с первым утверждением, ибо поистине французы — самые твердые люди на всем свете, и я имею в виду кавалеристов, ну а что до второго, то при отступлении все люди вообще менее смелы, чем когда покидают свои дома, выступая в поход». Упомянутый топос восходит к нескольким античным авторам, прежде всего Титу Ливию, но, говоря об историках-итальянцах, Коммин мог черпать сведения из вторых рук. Ср. *Melani I. Di qua e di là da' monti: sguardi italiani sulla Francia e sui francesi tra XV e XVI secolo, t. 1. Firenze, 2011, p. 439–442.*

²² *Коммин. Мемуары*, 7–11, с. 291.

²³ Там же, 7–13, с. 295.

²⁴ *Гвиччардини. История Италии*, 3–7.

возражал, он пользовался доверием большей части населения и многих влиятельных граждан, которые поддерживали его кто по простоте душевной, кто из боязни, кто из честолюбия»²⁵. Здесь позиция Гвиччардини близка к Макиавелли, который иногда прямо называл Савонаролу обманщиком; оба исходили из того, что политику трудно совместить с заботой о спасении души.

Коммин тоже рассказывает о своем знакомстве с доминиканцем; нельзя сказать, что его отношение к пророчествам брата Джироламо было легковерным и что он вообще не видел в его деятельности политического расчета, но в его словах сквозит симпатия к нему за профранцузскую позицию и по меньшей мере готовность поверить в его пророческий дар. «Он всегда проповедовал к великой пользе короля и слова его удержали флорентийцев от выступления против нас, ибо никогда еще проповедник не пользовался в городе таким доверием. Что бы там ни говорили или ни писали в опровержение, он постоянно уверял слушателей в пришествии нашего короля, говоря, что король послан богом, дабы покарать тиранов Италии, и что никто не сможет ему оказывать сопротивление и противиться... Многие хулили его за то, что он утверждал, будто имеет откровение от бога, но другие верили ему; что же касается меня, то я считаю его добрым человеком» (*bon homme*)²⁶. Особенно впечатлило Коммина сбывшееся предсказание несчастий королю из уст покойного Савонаролы. «Я не хочу ни извинять, ни обвинять его и не знаю, совершили ли они зло или добро, осудив его на смерть, но знаю, что он говорил многие истинные вещи, о которых никто из жителей Флоренции не мог бы его уведомить. И что касается короля и тех бед, что он предсказал ему, то случилось то, что вы знаете: сначала умер единственный сын короля, а затем и он сам; я видел письмо, которое он написал королю»²⁷. Внешняя канва рассказа о Савонароле у обоих писателей одинакова, и оба ссылаются на то, что люди судили о них по-разному. Однако, когда речь заходит о судьбах Карла VIII и его похода, Коммин проявляет больше пристрастия, и оно еще заметнее там, где непосредственно говорится о них.

Оба писателя осуждают предприятие Карла, и во многом их доводы против него совпадают; в частности, оба противопоставляют легкомыслие нового короля мудрой и осторожной политике его отца, Людовика XI, который не желал вмешиваться в итальянские дела вооруженной рукой. Коммин, который к тому же пострадал после восшествия Карла VIII на престол, всё же проявляет по отношению к нему значительную терпимость. «Он разговаривал со всеми мягко и любезно, как никто другой; думаю, что он ни разу никому не сказал неприятного слова. И он не мог умереть в лучший час, чтобы оставить по себе добрую память в истории и вызвать самые сильные сожаления служивших ему людей. Полагаю, что со мной он обошелся круче, чем с кем бы то ни было, но я понимаю, что было это в его юности и виноват был не он, а потому я не могу держать на него зла»²⁸. Гвиччардини более суров²⁹, его оценка однозначна:

²⁵ Там же, 3–8.

²⁶ Коммин. Мемуары, 8–3, с. 319.

²⁷ Там же, 8–26, с. 381.

²⁸ Там же, 8–27, с. 382.

²⁹ «С детства Карл страдал от своей слабой комплекции и телесных недугов, роста он был малого, на вид безобразен, если не считать живого и полного достоинства взгляда; сложение его было таким непропорциональным, что он больше напоминал некое чудовище, чем человека, полезные науки ему были вовсе незнакомы, и он едва разбирал буквы; он желал властвовать, но был к этому неспособен, ибо приближенные водили его за нос, а он не умел сохранять в общении с ними своего величия и авторитета; чураясь всяких трудов и забот, он и в тех, коими приходилось заниматься, не выказывал ума и благоразумия. Если какие-то его качества и заслуживали похвалы, при ближайшем рассмотрении они побуждали его скорее к дурному, чем хорошему. Он добивался славы, но не разумными поступками, а напором; был щедр, но легкомыслен, не знал меры и различий; иногда постоянен в своих решениях, однако скорее за счет пустого упрямства, чем последовательности, а то, что многим казалось его добродушием, правильнее было бы назвать холодностью и душевной ленью». — Гвиччардини. История Италии, 1–9.

«Он простился с жизнью, после того как привел в смятение весь мир, благодаря не столько своей доблести, сколько неуравновешенности»³⁰. Слова Коммина не противоречат этому суждению, но он постоянно извиняет Карла его молодостью и неопытностью, и при этом всегда ссылается на то, что походом руководил Господь. Он часто подкрепляет эту мысль ссылками на предсказания Савонаролы, всегда сбывавшиеся. Оба историка подчеркивают легкость, с которой была завоевана Италия. Гвиччардини: «Так, благодаря неслыханному стечению благоприятных обстоятельств Карл превзошел самого Юлия Цезаря, *сначала победив, затем увидев*. За всё это время ему не довелось ни разу ни разбить палатку, ни преломить копье, а его приготовления оказались настолько избыточными, что французский флот, снаряженный с огромными затратами, пришел в Неаполь после самого короля, потому что, потрепанный бурей и собравшийся у острова Корсика, слишком поздно приблизился к берегам королевства»³¹. Коммин приводит слова, приписываемые папе Александру VI: «Как сказал нынешний папа Александр, французы пришли в деревянных шпорах и с фурьерским мелом в руках, чтобы без всяких затруднений пометить свои квартиры»³². Но Коммин никогда не забывает упомянуть в таких случаях перст божий: «Наши люди редко надевали доспехи во время этого похода; король прошел путь от Асти до Неаполя за четыре месяца и двенадцать дней; посол потратил бы на это меньше времени. Наконец, скажу, что, как я слышал от некоторых добрых людей, ведущих монашескую, святую жизнь, и от многих других (а ведь глас народа — глас божий), господь бог пожелал наказать королей Неаполя так, чтобы все это ясно видели, и тем самым дать урок всем королям и государям, дабы они жили как подобает добрым людям и в соответствии с заповедями божьими»³³.

Здесь пролегает грань между историческими повествованиями Коммина и Гвиччардини, так как последний поминает Господа почти исключительно в косвенной речи, воспроизводя чужие слова или мысли (для него как историка этот прием очень важен и в его понимании вставные речи являются необходимым компонентом правильного историописания). Отсюда нельзя сделать вывод о полной противоположности взглядов двух авторов: упомянутым исключением, в котором Гвиччардини говорит о боге от своего имени, в его «Истории» является суждение о смерти папы Александра VI: «К телу Александра у Святого Петра стекался весь Рим, обуреваемый несказанной радостью и желавший насладиться зрелищем мертвого аспида, который растлил весь мир своим безмерным честолюбием и неслыханным вероломством и явил примеры ужасающей жестокости, чудовищного разврата и неимоверной алчности, выставляя на продажу земное и небесное и не делая между ними различия. Притом с ранней юности и до конца своей жизни папа почти неизменно пользовался необычайной благосклонностью судьбы, строя величайшие планы и получая больше, чем желал. Это хороший урок посрамления дерзости тех, кто слабыми людскими глазами тщится прозреть глубины божественного промысла и полагает, что успехи и неудачи зависят от человеческих заслуг или поступков, как будто бы каждый день мы не видим, как несправедливо терзают многих достойных и незаслуженно превозносят многих других. Другими словами, это всё равно что претендовать на *Божье могущество и правосудие, кои в своей неисчерпаемости не ограничиваются сегодняшним днем, но щедро воздают по заслугам праведным и дурным вечными карами и наградами в ином месте и в иное время*»³⁴. Таким образом, о человеке не следует судить по земным успехам и божья

³⁰ Там же, 3–15.

³¹ Там же, 1–19. Это соображение об избыточности флота есть и у Коммина.

³² Коммин. Мемуары, 7–14, с. 295. Позднее это высказывание использует и Макиавелли в «Государе», гл. XII: «Французский король Карл получил возможность захватить Италию с помощью одного мела, и прав был тот (Савонарола. — М.Ю.), кто указывал в качестве причины наши грехи, только это были не те грехи, что он думал, а те, о которых я рассказывал».

³³ Там же.

³⁴ Гвиччардини. История Италии, 6–4.

кара может быть отсрочена, но не отменена³⁵. Коммин объясняет предполагаемое внешнее отсутствие прямого вмешательства Бога в человеческие дела примерно таким же образом³⁶. При этом к порокам папы он почти равнодушен — в отличие от флорентинца Гвиччардини, который хотя и служил папам Медичи, но относился к ним очень критически, исходя из своей оценки их вполне земных, политических и житейских качеств.

В этом контексте некоторым диссонансом звучит рассказ Гвиччардини об обете, данном Карлом VIII в трудную минуту битвы при Форнуово святым Мартину и Дионисию: «В этот момент Карл прибег к тем средствам, кои подсказывает страх, ибо оставшись чуть ли не в одиночестве, он обратился за спасением к небесам и принес обет святому Дионисию и святому Мартину, покровителям Французского королевства, и пообещал, что если невредимым доберется со своим войском до Пьемонта, то вернувшись домой сразу щедро одарит посвященные им церкви, одну близ Парижа, другую в Туре, и ежегодно будет устраивать торжественные праздники и богослужения в память об оказанной ему милости. Принеся эти обеты, Карл воспрянул духом, и его силы удвоились»³⁷. Он говорит и в другом месте о том, что, вернувшись в Италию, Карл не забыл своего обещания: «Дабы покончить с тем, что могло его задержать, и получить возможность снова с большей уверенностью просить содействия небес, король выказал благодарность за оказанные ему в трудную минуту милости и на перекладных отправился в Тур, а затем в Париж с намерением выполнить обет, данный им в день сражения при Форнуово святому Мартину и святому Дионисию»³⁸.

Возникает вопрос, почему Гвиччардини, который, как было сказано, очень редко вспоминает о Провидении, приводит эту подробность, которую можно истолковать как указание на благочестие или набожность молодого короля, а при желании и как некий намек на помощь ему свыше. Этих подробностей можно было скорее ожидать от Коммина, при всяком удобном случае повторяющем, что ни к чему не способного Карла вела рука небес. Однако французский автор обходит этот эпизод полным молчанием³⁹. Объяснений здесь может быть несколько. Во-первых, Гвиччардини мог в данном случае прямо следовать за каким-то источником, рассказывающим об обетах Карла VIII⁴⁰. Во-вторых, следует принять во внимание, что и здесь, как в других случаях, автор «Истории Италии» описывает чужие благочестивые речи и поступки, почти никак их не комментируя. Может быть, он подчеркивает здесь набожность французского короля в сравнении с испорченностью итальянцев. В-третьих, Гвиччардини не преминул привести более приземленное толкование поступков Карла: «В конце мая, когда все ожидали, что король вот-вот отправится в итальянский поход, он решил поехать в Париж, ссылаясь на обычай прежних королей, чтобы испросить одобрения святого Дионисия, а затем в Туре у святого Мартина... Полагали, однако, что главной и истинной причиной здесь послу-

³⁵ Сходная мысль выражена в Заметках, 92. «Не надо говорить: бог помог такому-то, потому что это был человек честный, а такому-то ничто не удалось, потому что он был человек дурной; ведь мы часто видим обратное. Мы не должны из-за этого говорить, что нет божественной справедливости, ибо замыслы божьи столь глубоки, что о них верно говорят — *abyssus multa*». *Гвиччардини Ф. Сочинения...*, с. 138.

³⁶ *Коммин*. Мемуары, 4–13, с. 160. «Если присмотреться к тому, что господь свершил в наше время и вершит ежедневно, то кажется, что он ничего не желает оставлять безнаказанным, и ясно видно, что эти необычные вещи идут от него, ибо они сверхъестественны и представляют собой его кару, насылаемую неожиданно, особенно на тех, которые прибегают к насилию и жестокости».

³⁷ *Гвиччардини*. История Италии, 2–9.

³⁸ Там же, 3–6.

³⁹ Описывая кончину Карла, Коммин рассказывает, что он обратился перед смертью к другим святым: «Да помогут мне господь мой, пресвятая дева Мария, монсеньор святой Клод и монсеньор святой Блез!» — *Коммин*. Мемуары, 8–25, с. 377.

⁴⁰ В современных работах при упоминании этого эпизода обычно идет ссылка только на Гвиччардини, например: *Le Gall J.-M. Le mythe de Saint Denis: entre renaissance et révolution*. Paris, 2007, p. 78.

жила влюбленность короля в одну из придворных дам королевы, которая незадолго до того отправилась в Тур»⁴¹. К этому соображению следует добавить замечание относительно процитированного места, приписывавшееся издателю и племяннику Ф. Гвиччардини Аньолю⁴² (но по всей вероятности, оно принадлежит комментатору одного из переизданий, Томмазо Поркакки): «Видно, что люди часто под маской благочестия скрывают собственные страсти, что недавно и продемонстрировал король Карл... так и во время нынешних смут во Франции при короле Карле IX многие принцы под предлогом религии стали притязать на французскую корону, желая отнять ее у малолетнего короля, при котором находится мать-чужестранка»⁴³. Что до Филиппа де Коммина, трудно предположить, что об обетах, данных на поле боя при Форнуово, очевидцем которого он являлся, ему не было известно⁴⁴. Гипотеза о том, что Гвиччардини сам придумал эту историю, также маловероятна. Остается думать, что фактически она недостоверна и, возможно, была придумана частично или целиком кем-то постфактум, чтобы подчеркнуть благочестие Карла VIII, а затем дошла до флорентийского историка — но такое предположение нуждается в дальнейшем подтверждении.

* * *

Исходя из приведенных выше наблюдений и не претендуя на исчерпывающее суждение, можно сделать некоторые выводы. Два взгляда, Коммина и Гвиччардини, в описании событий и трактовках, толкованиях сходны, и это естественно — они были их участниками и пытаются рассказывать, в меру своего разумения, правдиво. Однако оценки и объяснения расходятся отчасти в силу разности жанров их сочинений, отчасти вследствие различий в их происхождении, понимании пружин и причин. Гвиччардини следует принимать по импринципу — он рассказывает о политических событиях, о мотивах и расчетах государей, о ходе дел и редко вдается в частные подробности — только в особенно резонансных случаях, примечательных или важных с точки зрения общего хода событий. Зачастую это бывает, когда речь идет о вопиющих злодеяниях (смерть Александра VI, убийство его сыном Чезаре Борджиа Асторре Манфреди, его же расправа с кондоттьерами в Сенигаллии, ссора в доме Эсте в Ферраре и т.п.). Коммин тоже рассказывает о политике и тоже использует хронологическую канву, но он следует своим воспоминаниям, его рассказ более живой, чем сухое повествование Гвиччардини. Непредсказуемость текущей истории и результатов предпринимаемых шагов Гвиччардини выводит из способности людей противостоять судьбе и своим природным качествам, из невозможности предвидеть и предугадать все обстоятельства. У Коммина много ссылок на провидение, которое направляет земные дела и за которым остается последнее слово. В рассматриваемых сочинениях, как принято считать, оба историка демонстрируют присущую своему времени тенденцию к рационалистическому объяснению событий. В политике они видят тем не менее конфликты интересов, водоворот человеческих страстей и слабостей, в котором самый мудрый правитель (а таких мало) не может рассчитывать на полный

⁴¹ Гвиччардини. История Италии, 3–6.

⁴² Например, в немецком издании Гвиччардини: *Guicciardini F. Geschichte Italiens*. Bd 1. Darmstadt, 1843, S. 325.

⁴³ La historia d'Italia di M. Francesco Guicciardini gentil'huomo fiorentino, nuouamente riscontrata con tutti gli altri historici & auctori, & ornata in margine con l'Annotationi de' riscontri fatti da Thomaso Porcacchi da Castiglione Arretino. Con un giudicio fatto dal medesimo, per discoprir tutte le bellezze di questa historia. In Venetia: appresso Giorgio Angelieri, 1574, p. 82. В изданиях, подготовленных Аньолю Гвиччардини, примечаний нет, но приведенные слова могли приписываться или восходить к нему, так как он был посланником герцога Козимо Медичи к французскому двору как раз в январе 1561 г., после восшествия Карла IX на престол. Мать-чужестранка — Екатерина Медичи. См. *Bramanti V. Guicciardini, Agnolo*. — *Dizionario Biografico degli Italiani*, v. 61. Roma, 2004.

⁴⁴ Тем более что рассказ о сражении он сопровождает ссылками на божью волю: «Я не раз говорил, что господь постоянно давал знамения, указывающие на то, что именно он руководит походом... господь бог пожелал, чтобы вся слава похода досталась ему самому». — *Коммин*. Мемуары, 8–14.

успех. Коммин, как и его младшие современники Макиавелли и Гвиччардини, скептически оценивает природные свойства человека и отходит от антично-гуманистического отождествления разумного и благого⁴⁵. Они описывают людей и среду, в которой вращались — хитрых и часто беспринципных политиков. Но это не значит, что у каждого из них не было усвоенных ими критериев должного, не было идеалов, для которых следовало найти земные основания. Эти основания, помимо общечеловеческих ценностей, коренятся в этнической (национальной) и политической (государственной) принадлежности. Пессимизм всех трех мыслителей восходит, очевидно, к христианским представлениям о противостоянии земного и небесного, однако средневековый провиденциализм сменяется новым «реализмом» — в разной степени у Макиавелли, Гвиччардини и Коммина. У первого из них в наибольшей, у последнего в наименьшей. В итоге Макиавелли стал известен прежде всего как политический философ, Коммин — как выдающийся историк-мемуарист своего времени. Франческо же Гвиччардини, очевидно, в силу особенностей своего реалистического подхода к политике больше всего прославился как первый и один из крупнейших историков Итальянских войн и в целом истории раннего Нового времени.

⁴⁵ Ср. *Малинин Ю. П.* Филипп де Коммин..., с. 409: «Для Коммина природный разум — самое великое достояние, какое только человек может получить от бога, но в его представлении разум — не источник добродетели, а средство познания мира, причем разум в его системе ценностей стоит намного выше нравственных достоинств».